

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2059

(1859)

Наталья Харлампьева

СЕМЕН ДАНИЛОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2020

УДК 812.512.157.0-94
ББК 83.3(2Рос.Яку)-8,2
Х 21

*Автор благодарит за поддержку и помощь в работе над книгой
сотрудников Национального архива Республики Саха (Якутия),
Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия),
музея братьев Семена и Софрона Даниловых в селе Мытаах,
Литературного музея им. П. А. Ойунского и своих коллег писателей
Н. А. Лугинова, Н. Е. Винокурова – Урсуну и А. Е. Шапошникову.
Отдельная благодарность организациям, принявшим участие
в финансировании данной книги.*

*В иллюстрациях использованы фотографии
из архивов Семена Данилова и семьи Софрона Данилова,
Литературного музея им. П. А. Ойунского,
музея братьев Даниловых в Мытаахе, М. Местникова.
Подготовку и обработку фотографий
осуществил Рустам Каженкин.*

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04407-4

© Харлампыева Н. И., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

ВРЕМЯ ВСЕ РАССТАВЛЯЕТ ПО МЕСТАМ

Семен Петрович Данилов, народный поэт Якутии, мой старший друг и учитель, на склоне лет очень большое значение придавал своим дневникам. Об этом он мне не раз говорил. Тогда я не понимал, да и не мог понять этого. Как всегда, осознание сути вещей пришло по прошествии многих лет.

Видимо, в то непростое время ощущение несвободы сильно тяготило его, и потому он решил хотя бы в дневниках свободно выражать свои мысли, хотел быть самим собой, писать открыто то, о чем думал, переживал.

В итоге дневники получились неким слепком времени, ярким свидетельством его жизни. В них отразилась нелегкая борьба за восстановление доброго имени классиков якутской литературы Алексея Кулаковского, Анемподиста Софронова, Николая Неустроева, которых совершенно голословно обвиняли в так называемом «буржуазном национализме». Их произведения вульгарные критики сочли выражением интереса класса эксплуататоров. Дошло до того, что даже на олонхо¹ были нападки, якобы его любили слушать богачи. Ныне ясно, что это совершенно надуманные обвинения.

Если судить по критериям нынешнего времени, это трудно понять. Никаких явных свидетельств их антиреволюционной деятельности, даже выражения ими сомнений в идеях советской власти, не было. Наоборот, А. Е. Кулаковский

¹ О л о н х о — древнейшее эпическое искусство якутов. Термин «олонхо» обозначает как эпическую традицию в целом, так и название отдельных сказаний. В 2005 году ЮНЕСКО объявило олонхо одним из «шедевров устного и нематериального наследия человечества». — *Прим. ред.*

активно сотрудничал с новой властью, Н. Д. Неустроев был ревкомом, а А. И. Софронов вообще стал заместителем командующего Якутским революционным народным добровольческим отрядом. Причем не номинальным, а самым реальным! Он издавал и подписывал приказы. Оппоненты бросали голословные обвинения, не имея ни малейшего факта. Единственный документ, на который они опирались, обвиняя Кулаковского, было упоминание о нескольких горностаевых шкурках. Но их стоимость во все времена была ничтожной. В свое время в журнале «Сибирские огни» была опубликована обнаруженная в архиве Красноярского КГБ расписка Кулаковского о получении из кассы ВОЯНУ (Временное областное якутское управление, избранное на съезде представителей якутской интеллигенции в марте 1922 года) 22 шкурок горностаев в августе 1922 года. Расписка была дана заведующему военным складом порта Аян о получении шкурок в счет жалованья, как уполномоченный ВОЯНУ. Жалованье составляло 44 рубля. Да и тот ли это был Кулаковский? Ведь данная фамилия очень распространенная.

Борьба за честное имя писателей длилась более десяти лет и увенчалась успехом, хотя и не отменившим полностью постановление, направленное против них, а лишь подправившим его. Но и это было большой победой. Странно, что за этим не последовало наказания тех ученых, которые ввели в заблуждение ОК и ЦК КПСС; их не стали лишать научных степеней и званий, как лишили звания и научной степени Г. П. Башарина. Такое отношение к лжеученым обернулось тем, что они так и не поменяли своих позиций вплоть до распада СССР и терроризировали лучших людей республики своими жалобами и анонимками.

В конце 1955 года началось восстановление добрых имен классиков якутской литературы. Бездоказательная хула наконец была отвергнута. После реабилитации Платона Ойунского произведения зачинателей якутской литературы начали возвращаться своему народу.

Я помню это чудесное время. Десятилетним мальчиком был свидетелем небывалого народного торжества, когда по вечерам, после трудового дня, во многих семьях стало принято собираться вместе и читать вслух.

За это время Семен Данилов закончил Высшие литературные курсы в Москве, где учился с Михаилом Алексеевым, Николаем Шундиком, Николаем Тряпкиным, Михаилом Лукониным, Заки Нури, Сарыг-оолом.

Стихи его широко печатались в центральных газетах и журналах.

Его заметили и приняли в свой круг выдающиеся русские писатели, которые затем встанут у руля Союза писателей РФ и СССР. Известно, что в писательском мире главным критерием отбора является талант. Судя по всему, талант Данилова явно был признан.

Его лучшими друзьями стали Николай Тряпкин, Борис Ручьев, Владимир Солоухин, Михаил Львов, Винцент Шаргунов.

В 1963 году Данилова избирают председателем Союза писателей Якутии.

Крупнейшей вехой его деятельности на этом посту стала организация перевода классиков якутской литературы на русский язык.

Его многолетняя настойчивость увенчалось успехом: Алексея Кулаковского и Анемподиста Софронова взялись переводить Владимир Солоухин и Сергей Поделков.

Данилов сумел убедить крупнейшего переводчика эпосов народов мира Владимира Державина взяться за перевод олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» Платона Ойунского. Верный выбор таких выдающихся переводчиков предопределил успех.

Семен Данилов своим упорством добился выдающихся успехов. Ныне в его дневниках можно найти много примеров его титанического труда.

Это бесценное свидетельство эпохи, особенно важное для нового поколения, которое должно глубоко изучить и понять историю своего государства.

Истинную историю творили такие выдающиеся личности, как Семен Данилов, в иерархии своего времени занимавшие далеко не первые места. Это затем, по прошествии лет, время выдвинуло именно их.

Как говорится, человек может и подвиги совершать, и неприглядные дела. Образовалась прослойка двуличных руководителей, ученых. Они любое решение сверху цинично превращали в дубинку против своих конкурентов. Они думали, что в борьбе за первенство, за власть все средства хороши, что все решается здесь и сейчас. Они не учли фактор времени, который беспощаден к прохиндеям всех времен и народов и в конце концов выводит их на чистую воду.

Время всех расставляет по местам и воздает по заслугам. Правда, когда подорваны нервы, здоровье и уже иссякли силы, которые были необходимы для созидания...

Странными ныне кажутся предпочтения тогдашнего руководства страны — они поддерживали тех, которые держали в железных тисках всю интеллигенцию, обвиняя всех в причастности к пресловутому «буржуазному национализму». Но главные фигуранты этого неблагоприятного дела были людьми не из центра, а свои же. Все они — выходцы из местной среды. Отсутствие таланта компенсировали тем, что становились яркими активистами в борьбе с «буржуазными националистами» и делали на этом карьеру. Сверху их явно поощряли. Но имена борцов против классиков якутской литературы, как ни странно, не поглотило забвение. Доживи они до наших дней, они предпочли бы, чтобы их забыли вместе с их неблагоприятными делами. И не только. Ныне их имен стесняются земляки, друзья, но самое главное — стыдятся не только прямые потомки, но даже дальние родственники. Это очень печальный итог.

Данная книга основана на дневниках Семена Петровича; его правда, его мысли фактически впервые дойдут до русского читателя. Вдумчивый читатель найдет в ней много примеров, свидетельствующих о крепкой творческой и человеческой дружбе писателей тех лет, о том, как велика и бесценна была помощь русских писателей и переводчиков в восстановлении справедливости в истории якутской литературы.

Перед нами поучительная книга для интеллигенции многих республик, в истории которых были схожие ситуации. Она будет интересна и для конкретных личностей, кто ныне формирует большую политику.

Мы уже не раз убеждались, что пресловутый «национальный вопрос» — главный для многонационального государства. Вопрос, который развалил могучий, кажущийся незыблемым Советский Союз, который и ныне, как дамочков меч, висит над всеми нами... И эта книга, возможно, не только о судьбе народного поэта Якутии Семена Данилова, а о тех духовных скрепах, которые наперекор всему держат нас вместе.

И, надеюсь, будут держать.

*Николай Лугинов, народный писатель Якутии,
сопредседатель Союза писателей России*

Глава первая
ИСТОКИ

Якутия начала XX века — это окраина Российской империи, где даже до центра области — Якутска — весть о революциях доходила с опозданием, порой через месяцы. Якуты занимались скотоводством и в силу природно-климатических условий селились по плодородным аласам², на достаточно больших расстояниях друг от друга. Это было связано с кормом для скота — трава, заготовка сена имели большое значение как для бедняков, так и богачей и зажиточных. На зиму надо было заготовить столько сена, сколько хватило бы для прокорма скота. И потому каждая семья селилась там, где за короткое лето можно было запастись сеном, при этом не нарушая чужих территорий и интересов. И якуту-скотоводу на дальнем аласе важнее была своя обыденная жизнь, ее проблемы, чем революции в дальних городах под носом «белого царя». Для того чтобы выжить в пятидесятиградусный мороз, быть удачливым в охоте и рыбалке для благоденствия семьи, предугадать, когда придет засуха или половодье, якутам надо было жить в едином ритме с природой. И это было иной раз важнее, чем та власть, которая была сегодня на дворе...

В марте 1917 года в одном из таких аласов родился мальчик. Хотя это был алас не в классическом понимании; родители мальчика в то время жили на подворье деда по отцу. Местность Эчирбэ находилась над речкой Синэ, в одном из красивейших мест Якутии. В те годы Эчирбэ

² А л а с — большие поляны в тайге, которые образуются при вытаивании подземных льдов. Якуты до 1917 года в основном селились по аласам.

был центром Мытахского наслега³. Молодая семья Петра и Марии Даниловых своего первенца, как положено, крестила, но правда это случилось, когда ему было уже три года. Заезжий священник нарек мальчика Семеном.

«Если кто спрашивал, когда я родился, то родители мои принимались перебирать различные события, обстоятельно рассуждать:

— Ты родился через десять лет после того, как была страшная засуха, за год до большой воды, в год небывалого снега.

— А метрика?

— Метрики нет. Какая уж тут метрика... Когда тебе было три года, тебя крестил приезжий поп. А откуда он взялся, кто его знает.

Так что точно, когда я родился, никто не знает. А если поразмыслить над всем этим “годом засухи”, “большой воды” и “небывалого снега”, то получается, что я родился примерно в 1917 году...»

Так написал позже Семен Петрович в автобиографии.

Мальчик рос пытливым, жадным к знаниям, ловким, радовал родителей, бабушку и дедушку по матери, которые жили вместе с ними. К этому времени семья переехала на алас Бор, который поэт всю жизнь почитал как свою малую родину. При этом он никогда не забывал речку Синэ, восторгался ее красотами, красивыми скалами, на которых были древние писаницы⁴ и наскальные рисунки. Берега Синэ отличаются от таежной флоры, там цветут диковинные дикие цветы, встречаются черемуха, тополя и ягодные кусты, которые произрастают в южных районах Якутии. Природа как бы сама создала этот чудеснейший уголок в труднодоступном месте. Это сейчас проложен туда туристический маршрут, предпринимаются сплавы на байдарках, снято много фильмов про красоты реки Синэ. А поэт еще 80 лет назад обронил: «Сердце мое на берегах Синэ»...

³ Н а с л е г — якутский поселок, часть улуса в Российской империи или района Якутской АССР в СССР. В настоящее время — низшая административная единица Якутии, соответствующая сельскому поселению. — *Прим. ред.*

⁴ П и с а н и ц ы — древние памятники наскального искусства, выбитые или нанесенные краской изображения на камне времен палеолита. — *Прим. ред.*

Воспитание детей у якутов тогда заключалось в раннем приобщении к посильному труду и воспитании уважения к природе, к ее явлениям. Поэтому уже с четырех-пяти лет у Сэмэнчика были свои собственные маленькие грабли, а чуть позже и небольшая коса. Он вместе с взрослыми ходил на сенокосные работы. Позже отец рассказывал ему, что мальчик был очень горд этим и по дороге на сенокос кричал на весь алас: «Такой уж я удалец, только шесть лет мне и я уже косарь!»

Но была в этой обычной якутской семье одна особенность — в ней взрослые приучали детей уметь ценить слово. Будь то сказка, рассказанная бабушкой, пословица или поговорка, услышанная от деда, напевы и речитативы заезжего олонхосута-сказителя — все ценилось, одобрялось и находило применение в обыденной жизни. Тогда олонхосуты, добывая себе на хлеб, перемещались из аласа в алас, от семьи к семье, причем олонхо исполнялось несколько вечеров подряд. Слух о том, что тот или иной сказитель направляется в их сторону, быстро доходил до глухих аласов. И все, стар и млад, ждали этого дня, готовились. День этот был равен празднику в череде серых будней... Были и пугающие запреты, которые касались шаманских обрядов и их черных дел, случающихся на грани Добра и Зла.

«Первой большой новостью для меня была веселая бабушкина сказка о том, как один шалун по имени Мэник-Мэнигийээн, дернув и подняв себя за уши, перебросил на другой берег реки. Однажды даже, помню, вышел я на берег нашей Хондураайы и что есть силы до тех пор рвал себя за уши, пока мне не стало больно», — вспоминал поэт о своем детстве.

А шаманы между тем не были редкостью, не раз маленький Сэмэнчик наблюдал за камланием и однажды, подражая знаменитому шаману Келеня, пытался боднуть головой горящий огонь в печи и чуть не обжегся...

Из детских воспоминаний в его душе сохранился неясный образ бабушки, матери отца, с которой в самом начале жила семья. Деда по отцу уже не было, но слава о нем как об удачливом охотнике еще была жива. В этом, будучи взрослым, удостоверился сам Семен Петрович: в охотничьей избушке деда в тайге он нашел целую коллекцию звериных черепов, рогов, когтей, крыльев. И медведей, и сохатых, и волков, и лис. У деда было прозвище Суор, что означало Ворон...

Бабушка умирала. Лежа на смертном одре, маленькая, сухонькая, она просила четырехлетнего внука прикурить трубку с очага. Это было ее единственным утешением в дни прощания с жизнью. И табак-то был ненастоящий — она набивала в трубку измельченную кору тополя. Мальчик, зажав в зубах мундштук, бросался к очагу, доставал остывающий уголек и прикуривал... При этом сильно тянул в себя едкий дым, от чего бабушка раздражалась: «Давай, давай, так все и высосешь. Ничего не останется»... Это действие для маленького Сэмэнчика было важным поручением с одной стороны, а с другой — приобщением к запретному. Потому оно и запомнилось четырехлетнему малышу. Именно с этой бабушкой были связаны смутные ранние воспоминания о сказках — длинных и коротких, смешных и страшных, которые потом он узнавал в рассказах другой бабушки и заезжих гостей.

Мальчик рос, вскоре у него появился братик, которого тоже крестил заезжий священник и нарек именем Софрон. Родители никак не могли запомнить это диковинное для них имя; отец даже как-то поехал в храм, который находился достаточно далеко, не менее ста верст от них, с просьбой написать имя младшего сына на бумажке. Сами они были людьми неграмотными, но прекрасно понимали, что учение — свет, тем более что советская власть давала такие возможности. Они в душе вознамерились во что бы то ни стало выучить сыновей, дать им образование; в этом и мать и отец были единодушны.

Алас Бор, где они жили уже с родителями матери, маленькому Сэмэнчику казался тогда целым миром — с темными лиственницами по восточной окраине, с нарядными березками недалеко от дома, с тропками, ведущими к кустам смородины и к огромным голубичным и брусничным полянам. Уханье совы по вечерам, звонкий голос кукушки ранним утром... Иногда прилетал огромный черный ворон и подолгу сидел на высокой лиственнице, порой тяжело оглядывая большими глазами подворье, а иногда прикрывая веки и словно дремля... Мальчику строго-настрого было запрещено предпринимать какие-либо действия по отношению к ворону, якуты издревле почитают эту птицу и считаются с нею.

В середине аласа было озеро, дед ставил верши, тогда вечером все ели очень вкусные маленькие поджаренные у

камелюшка мундушки⁵. Озеро жило своей особенной таинственной жизнью, гладь его была недвижима днем в жару, а вечерами или белой ночью там тихо плескались караси. А в начале зимы мужчины с округи готовили лед на лето. Сэмэнчик увязывался за ними, хотя в это время было всегда очень холодно. Мужики баграми вытаскивали продолговатые глыбы льда и складывали их. Прозрачный синеватый лед завораживал мальчика своей чистотой и редкими замерзшими во льду травинками и водорослями, тогда это казалось ему совершенством, сотворенным природой.

Но больше всего маленький Сэмэнчик ждал приезда олонхосута, сказывавшего якутский героический эпос олонхо. Сказитель в одном лице изображал всех действующих лиц, говорил и пел за них. Мальчику нравилось, что в олонхо Добро всегда побеждало Зло! Правда, олонхосуты все реже заезжали в Бор, новая власть не особо привечала их, так же как и шаманов...

Вопрос о шаманах в семье был запретной темой. Но маленький Сэмэнчик из разговоров взрослых сделал про себя заключение, что это никакой не обман народа, скорее это редкий немислимый дар от высших сил, с которым и самим шаманам-то совладать непросто. Тем более что в родне мальчика шаманы были как со стороны отца, так и со стороны матери. Позже, когда упоминание шаманов уже не сильно возбранялось, он назвал их имена в своем стихотворении... Человек нового времени, коммунист, Семен Петрович все же чувствовал глубинные связи со своими предками, владевшими вещим Словом. Согласно родословной, составленной много позже, после смерти поэта, только по линии отца насчитывается пять именитых шаманов — Усун Ойуун, Кинээс Ойуун, Догой Ойуун, Борчугунаан Ойуун, Келленя Ойуун.

По традиции у якутов очень высоко ценится сила слова, слово сравнивается с обоюдоострым кинжалом, слово может вылечить, слово может убить. А с людьми, владеющими Словом, надо считаться, почитать, преклоняться. Таковыми считались олонхосуты-сказители и, конечно же, шаманы. Особое место в этой иерархии занимали певцы-импровизаторы, недаром у якутов о талантливом певце говорят: «О, поет так, словно из песка веревки вьет, а дерево

⁵ Мундушка или озерный гольян — вид лучеперых рыб семейства карповых. Длина тела в среднем 6—8 см, максимально до 10 см. — *Прим. ред.*

засохшее зазеленеет!» Между тем существовало предубеждение, что властители Слова, то есть олонхосуты, шаманы и певцы расплачиваются за свой талант, дар и умение. Кто своей жизнью короткой, кто жизнями своих родичей. Обоюдоострый кинжал был опасен в руках даже отмеченных высшими силами. И потому попытки молодых слагать песни, петь олонхо, тем более подражать шаману, встречались с большим неодобрением, а порой просто запрещались. Лишь тем, кто на взгляд родового сообщества точно был отмечен талантом, и ему его предками было даровано умение владеть Словом, снисходительно это разрешалось, как бы на пробу. С тайной мыслью, что время покажет...

До сегодняшнего дня у якутов, если рождается человек, способный к творчеству, достаточно владеющий словом, то принято считать, что это продолжение линии древних шаманов или олонхосутов, которые были в его роду. И если проследить родословную известных якутских писателей, то получается, что у каждого из них в родстве или шаманы, или олонхосуты. Пожалуй, именно этим обстоятельством даже сегодня, в XXI веке, как бы доказывается способность быть писателем.

Примечательна в этом плане беседа тогда еще молодого поэта, Владимира Новикова — Кюннюк Урастырова с Платоном Ойунским. Урастыров вспоминает, как однажды Ойунский у него спросил: «Много ли у тебя родни?» На что Урастыров ответил, что он происходит из небольшого рода, родственников у него маловато. «О, ну тогда мы с тобой обедневшей крови, из пропавших родов, оказывается... Одинаковые», — сказал Ойунский.

И рассказал: «Великий певец-олонхосут, великий шаман и великий мастеровой — у них одна судьба, одной нитью они повязаны. Они проникают в нижний мир, там должны искупаться в мертвой воде, таким образом закаляются. Это места страшные, путей-дорог там нет, кругом поджидают опасность и бедствия. Чтоб достичь мертвой воды, необходимо девять мостов уложить — деревянный, железный, медный, оловянный, свинцовый, серебряный, золотой, из черного золота, а последний мост должен быть из человеческих костей. Этих костей не хватает, тогда они восполняют нехватку костями своих родственников. И потому у певцов-олонхосутов, великих шаманов и у мастеровых никогда не бывает большой родни... Вот и мы с тобой из этого ряда!»

Вот так несли в себе взаимосвязь с глубинными верованиями родного народа наши писатели, так они чувствовали ответственность за способность владеть Словом.

Вероятно, это связано с особым генетическим кодом, который передавался в одном роде от поколения к поколению. Речь идет не только о мистическом шаманском даре, а об особой связи с природой, умении чувствовать себя ее сыном, и с этим пониманием жить сегодня. Семену Данилову была дана от предков способность на пронзительное проникновение в начало начал всего естественного, материнского, понимание взаимосвязи всего сущего на Земле. Это — особая культура, нравственность, тончайший строй души, она недостаточно изучена и понята сегодня. Ученые, как этнографы, так и религиоведы, выхватывают из духовности якутов то только шаманские дела, то только простое поклонение силам природы. А это целая философия, выверенная нашими предками веками — искусными охотниками, следопытами, скотоводами. Людьями, которые понимали все движения в природе и жили в ладу с этим.

Примечателен в этом плане случай, произошедший с Семеном Даниловым в юности. Он заблудился в тайге. Дело было поздней осенью. Уходил налегке, в надежде добыть дичь. Но ни дичь, ни зверь не стали его добычей. Остался последний патрон. Голод и холод истощили все силы, и надежда была только на этот последний патрон. И вдруг на болотистом маленьком озерке он увидел лебедя. Тот явно был ранен, поскольку лебедь еле поднимал голову и тут же клонил ее к земле. Это могло стать спасением. Однако у якутов по древним поверьям запрещено убивать лебедей. Но человек сам стоял на краю гибели, и Семен стал целиться в лебедя. Целился долго, мучительно... И древний запрет, и последний патрон — все смешалось в голове. И вдруг лебедь пошел навстречу человеку. Он передвигался, болезненно шипя и постанывая, почти как человек... Подойдя, он прислонил свою голову к ногам человека. Семен опустил ружье и стоял ни жив ни мертв. Он смотрел на лебедя затуманенными глазами. Лебедь то ли сдавался на милость, то ли искал у него помощи... Семен бросился прочь от птицы, качаясь и едва не падая на ходу... Его тогда спасли охотники-эвенки.

Этот эпизод на протяжении всей жизни не раз всплывал в его памяти, он благодарил высшие силы, которые дали ему возможность не загубить тогда лебедя, одно из прекраснейших творений природы, не оказаться бесчело-

Мои заметки о поэзии Данилова, о его поэтическом созвездии — это взгляд на творчество своего Учителя. Я не ставлю целью исследовать творчество Данилова в литературоведческом плане. Мне бы хотелось выявить ценность поэзии Данилова для якутских читателей, потому что поэт пишет стихи, прежде всего, для своего родного народа; также его новаторство в выборе темы, его умение взойти на философские вершины посредством вроде бы обычного взгляда на жизнь.

Несмотря на жуткую цензуру, на нависающую тень обвинений в национализме, в его поэзии прослеживается четкая линия — писать о том, чем может гордиться его народ, выводя порой из совершенно обыденного, простого общечеловеческие ценности. Его стихи «Глаза якута», «Якутский танец», «Якутские старухи», «Якутским женщинам», «Якутский нож», начавшись неким созерцанием предмета или явления, постепенно переходят к утверждению нравственных ценностей. Эти стихи в большей степени были обращены к своим, якутским читателям и они сыграли определенную роль в становлении самосознания народа.

Ваши очи, как ночи, глядят сквозь ресницы,
Ваши косы чернеют, пламенеют, как смоль,
Наши девушки-стерхи, наши певчие птицы.
Наши жены красивые, наша радость и боль.
Оттого, что вы улыбаетесь ярко,
Оттого, что вы есть, оттого, что вы здесь,
Даже в лютые стужи здесь бывает нам жарко,
И легко нам судьбы таежные несть...

.....
Мы поднимем за вас полновесные чаши,
Мы до смертного часа вам будем верны,
О великие души, красавицы наши,
О бессмертные женщины нашей страны!

(Перевод М. Львова)

Прочитавший эти строки юноша, мужчина, старик наверняка находил, вспоминал ту, которой можно посвятить их, и наполнялся гордостью за женщин своего народа...

Эти стихи подарили народу его же клад, его же вековую философию, его же ценности. Как и другие стихи Данилова о якутских реалиях.

В 1970-е годы, когда не особо поощрялось обращение к теме традиционных национальных верований, Семен Да-

СОДЕРЖАНИЕ

Время все расставляет по местам <i>Николай Лугинов, народный писатель Якутии, сопредседатель Союза писателей России</i>	5
<i>Глава первая. Истоки</i>	9
<i>Глава вторая. Выбор</i>	48
<i>Глава третья. Москва, золотая пора</i>	88
<i>Глава четвертая. Возвращение</i>	121
<i>Глава пятая. Наследник</i>	140
<i>Глава шестая. Молодые. Жить без страха</i>	164
<i>Глава седьмая. Власть и поэт</i>	184
<i>Глава восьмая. Созвездие поэзии и созвездие друзей</i>	199
<i>Глава девятая. Литературные контексты</i>	219
<i>Глава десятая. «Оглядываюсь и не каюсь ни в чем, не жгу черновики...»</i>	233
Основные даты жизни и творчества Семена Данилова	245
Краткая библиография	247
Приложения	253

Харлампьева Н. И.
Х 21 Семен Данилов / Наталья Харлампьева. – М.: Молодая гвардия, 2020. – 285[3] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1859).

ISBN 978-5-235-04407-4

Кто он, простой парень из народа, поднявшийся до вершин литературы и ставший поэтом-классиком? Как он жил? Чем он жил? Память о народном поэте Якутии Семене Петровиче Данилове бережно сохраняется. Не проходит дня, чтобы на национальном радио и телевидении не звучали его песни, его стихи. Переиздаются его произведения, проходят Даниловские чтения. Ему посвящен международный фестиваль поэзии «Благодать большого снега», который Союз писателей Якутии проводит раз в два года. Эта книга о нем. О том, кто всей своей жизнью доказал, что «поэт в России – больше, чем поэт»! О человеке, который вернул своему народу имена его первых писателей.

УДК 812.512.157.0-94
ББК 83.3(2Рос.Яку)-8,2

знак информационной
продукции **16+**

Харлампьева Наталья Ивановна
СЕМЕН ДАНИЛОВ

Редактор **М. К. Залеская**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 14.04.2020. Подписано в печать 11.06.2020. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 15,12+1,68 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dseil@gvardiya.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04407-4